

Видя, что Хан Сизнь совершенно не горит желанием покидать город ради праздной прогулки, Бай Шу закрыл эту тему.

— Нужно ли мне присмотреть за Чжоу Маанем? — сменил он русло беседы.

Хан Сизнь ненадолго задумался, а затем качнул головой:

— Не стоит. Чжоу Маань чрезвычайно осторожен. К тому же ты не сможешь следить за ним круглые сутки. Лучше остаться здесь и дожидаться, когда он сам сделает первый шаг. В конце концов, самое худшее, на что он способен пойти в своей ярости, — это попытаться убрать нас, чтобы замести следы.

Бай Шу усмехнулся и согласно кивнул:

— Твоя правда. Если этот мерзавец действительно осмелится кого-то подослать, я позабочусь, чтобы они не вернулись обратно.

Хан Сизнь лишь коротко угукнул.

В этот момент в сад поспешно вошёл Ань Цао. В руках он держал запечатанное письмо, а его щёки покраснелись от быстрой ходьбы. Подойдя к Хан Сизню, слуга нерешительно покосился на Бай Шу.

Заметив этот взгляд, тот повернулся к Хан Сизню:

— Раз у тебя дела, я пойду.

Хан Сизнь кивнул, и фигура Бай Шу мгновенно растаяла в воздухе, словно его здесь и не было.

Только тогда Ань Цао вполголоса произнёс:

— Наследник, это письмо из столицы, из поместья маркиза Цзинго.

Хан Сизнь слегка приподнял брови, изобразив на лице мимолётное удивление. Хозяева поместья Цзинго сейчас находились далеко от столицы, да и прежде никто из них не жаловал его вниманием. Столь внезапное послание действительно требовало подобающей реакции.

Хан Сизнь взял конверт и вскрыл его. На сургучной печати красовался герб дома Цзинго, однако само письмо было написано рукой Хан Минчжу.

Хан Минчжу писала, что все эти дни непрестанно беспокоилась о нём, уехавшем так далеко.

Она также сообщала, что недавно из Цзяннаня в герцогское поместье Хань прибыл гонец с какими-то известиями. Едва прочитав донесение, старая госпожа Хань лишилась чувств, а отец и второй дядя пришли в неопишемую ярость. Обстановка в доме накалилась до предела, и гнев господ уже успел обрушиться на нескольких слуг, которых жестоко наказали.

Младшее поколение семьи держали в неведении, однако все они сильно тревожились и теперь по приказу старших целыми днями переписывали буддийские сутры, дабы искупить неведомые грехи и вымолить благословение. Дальше Минчжу упоминала, что в последнее время её часто призывают к императорскому двору. Императрица выказывает ей милость, а во время визитов к добродетельной наложнице Хань Юнь она пару раз сталкивалась с самим государем. Хотя Его Величество и держался дружелюбно, Хан Минчжу признавалась, что каждый раз испытывала глубокий трепет и вела себя тише воды, ниже травы, боясь сделать неверный шаг.

Созерцая изысканные дворцовые убранства и диковины, она невольно вспоминала о старшем брате, томлящемся в далёком Цзяннане, от чего её сердце сжималось от тоски. Под конец письма Минчжу сообщала важную новость: император издал указ, призывающий их дядю, маркиза Цзинго, вернуться с рубежей в столицу. Примерно через два месяца он прибудет в столицу, а его путь будет пролегать как раз через Цзяннань. Если Хан Сиэнь к тому времени всё ещё будет там, у них появится редкая возможность встретиться.

Суть этого послания была предельно проста: о его деяниях в Цзяннане в герцогском поместье уже всё известно. Семейство Хань рвёт и мечет, старая госпожа от злости слегла в беспомощности, а Минчжу под предлогом переписывания сутр пытаются всячески изводить и притеснять.

Однако благодаря частым приглашениям императрицы домашние не осмеливались открыто вредить девушке. Что касается тёти, добродетельной наложницы Хань Юнь, та намеренно звала племянницу к себе именно в те часы, когда её навещал император, явно замышляя какую-то каверзу. И всё же, поскольку старая госпожа Ван и дядя-маркиз скоро возвращаются с заставы, Минчжу призывала брата не беспокоиться за неё — она предельно осторожна и сумеет постоять за себя. Ему следовало сосредоточиться на делах в Цзяннане.

То, что Хан Минчжу пришлось воспользоваться каналами связи поместья маркиза Цзинго, лишь подтверждало: её положение в доме герцога Хань стало шатким. Слишком много глаз следило за каждым её шагом, хоть она пока и справлялась с этим давлением.

Хан Сиэнь сложил письмо и велел Ань Цао привести гонца.

Посланником оказался Ван Чжун — один из верных людей клана Ван, отправленных сопровождать девушку в столицу. Это был невысокий мужчина с неприметным лицом, затеряться которому в толпе не стоило бы никакого труда. Из-за старого ранения, полученного в бою, его левая нога слегка припадала при ходьбе.

— Передай ей, пусть не тревожится и бережёт себя, — негромко произнёс Хан Сиэнь, глядя на Ван Чжуня. — Обо мне беспокоиться не нужно, здесь всё под контролем.

Затем он жестом велел Ань Цао одарить гонца серебром.

Ван Чжун с поклоном принял слиток и бесшумно удалился.

Отпустив Ань Цао, Хан Сиэнь остался в саду один. Стоя под сенью персикового дерева, он медленно, клочок за клочком, изорвал письмо сестры на мелкие части, позволив им упасть на землю.

Когда Цзи Ло и Цзи Юэ вернулись, младший из них так и лучился радостью. Он впервые видел, как Третий принц ведёт переговоры: мягко, но поразительно точно, задевая самые потаённые струны чужой души. Их визит увенчался успехом — главнокомандующий Цзян Шуйшэн согласился на предложенные условия.

Пока Бай Шу изрядно прореживал ряды местных разбойников, Цзян Шуйшэн должен был развернуть официальную кампанию по подавлению мятежников. Под этим прикрытием он тайно перевезёт арестованных чиновников, чьё имущество ранее конфисковал Хан Сиэнь, в безопасное место, чтобы уберечь их от неминуемой расправы. А если Чжоу Маань всё же решится на покушение, главнокомандующий станет ключевым свидетелем перед лицом самого императора.

Рассказав обо всём, Цзи Юэ выжидающе посмотрел на Хан Сиэня. Тот, однако, перевёл взгляд на Цзи Ло.

— Господин Цзян действительно жаждет выслужиться, — спокойно заметил Третий принц. — Но отдавать арестованных полностью в его руки... Я бы не стал доверять ему безоговорочно. Человеческая преданность — вещь изменчивая.

— Неважно, дрогнет его сердце или нет, — отозвался Хан Сиэнь. — Пока им движет жажда наград и славы, он ни за что не сговорится с Чжоу Маанем. А значит, армия главнокомандующего не перебьёт нас под видом обнаглевших разбойников.

Цзи Ло согласно кивнул:

— Именно. Пока его войска ведут зачистку, Чжоу Маань не посмеет втянуть его в свой заговор.

Радостное оживление на лице Цзи Юэ мгновенно угасло. Он смущённо и растерянно переводил взгляд с кузена на Третьего принца. В душе шевельнулась глухая досада: будучи с ними одного возраста, он чувствовал себя несмышлёным ребёнком. Хан Сиэнь и Цзи Ло просчитывали ходы на несколько шагов вперёд, видя людей насквозь и заранее готовясь к любому предательству.

Хан Сиэню не было дела до метаний юноши. Окинув взором раскинувшееся над ним

персиковое дерево, он ровным голосом произнёс:

— В ближайшие дни шпионов у наших дверей прибавится. Приготовимся к «радушному» приёму. Но все наши люди, посвящённые в план, должны держать язык за зубами. Лишнее слово сейчас равносильно смерти.

Цзи Ло, имевший опыт службы в походах и знавший суровые нравы подчинённых, уверенно произнёс:

— О дисциплине можешь не беспокоиться, это я возьму на себя.

Хан Сиэнь лишь рассеянно кивнул.

Вскоре по Лянцзяну поползли слухи. Поговаривали, будто во время полевых учений передовые отряды натолкнулись на шайку разбойников с горы Даваншань уезда Вэньань. Те промышляли грабежом и насилием, а столкнувшись с военными, безжалостно убили нескольких солдат из резиденции главнокомандующего. Взбешённый такой наглостью — ведь нападение на регулярные войска приравнялось к бунту — Цзян Шуйшэн немедленно двинул силы на подавление мятежников. Удача улыбнулась ему: логово разбойников было разгромлено, а большая часть шайки — уничтожена, хотя главарю с горсткой приспешников всё же удалось ускользнуть.

Весть об этой победе мгновенно облетела Лючжоу, и простые горожане искренне славили доблесть главнокомандующего. Зато в резиденции генерал-губернатора Чжоу Мааня воздух содрогался от криков ярости — в тот день половина изысканного фарфора в его кабинете разлетелась вдребезги. Терпение чиновника лопнуло. С одной стороны, военные вышли из-под его контроля, с другой — Хан Сиэнь продолжал настойчиво требовать передачи казенного серебра и проведения благотворительного лечения. Загнанный в угол, Чжоу Маань решился на отчаянный шаг: убрать назойливого столичного посланника чужими руками.

Ночь выдалась безлунной и непроглядно тёмной. Ещё днём над Лючжоу поднялся порывистый, холодный ветер. Видя, как стремительно темнеет небо, горожане со страхом вглядывались в тучи, боясь приближения ливня. Дамба Пухэ ещё не была восстановлена до конца, и новый удар стихии неизбежно прорвал бы наспех укреплённые насыпи, обрекая сотни семей на верную гибель, а окрестные деревни — на затопление. В страхе перед катастрофой люди молились в своих домах повелителю вод, умоляя Лун-вана сжалиться и не насыпать грозу.

В усадьбе, где временно обосновался Хан Сиэнь со своими спутниками, царил привычный покой. Окна погасли в обычный час, погрузив дом во мрак, и лишь стражники совершали привычный обход территории, ничем не выдавая тревоги.

Глубокой ночью в тишине заброшенного сада слышался едва различимый шорох. Из тёмного

лаза в глубине искусственной горки скользнула безмолвная фигура, облачённая в чёрное.

Вслед за ней один за другим из подземного прохода начали выбираться вооружённые люди. Спустя несколько минут на каменистой площадке перед гротом выстроился целый отряд наёмников.

— Вперёд, — едва слышным шёпотом скомандовал предводитель, указывая в сторону жилых покоев.

Но не успели они сделать и шага, как в вязком ночном воздухе раздался тихий, издевательский смешок:

— Вперёд? В такую дивную, безлунную ночь... Куда же вы так торопитесь, дорогие гости?

<http://bllate.org/book/20088/2002016>